

УДК 314:908

**ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ «ЭТНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»
1930-х гг. НА БЕЛГОРОДЧИНЕ (ЧАСТЬ I)¹****CAUSES AND CONSEQUENCES OF "ETHNIC REVOLUTION"
1930'S IN BELGOROD REGION (PART I)****В.В. Бубликов
V.V. Bublikov***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: bublikov@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье исследуется малоизученная проблема причин и последствий радикального изменения численности и соотношения русского и украинского населения на территории Белгородчины в 1930-е гг. Автором показано, что более чем трехвековой период совместного освоения и проживания русских и украинцев, сохранявших, несмотря на тесное хозяйственное взаимодействие основные черты отдельных этнических групп, был прерван голодом 1932-34 гг., который стал основной причиной и катализатором многократного сокращения числа украинцев на территории Белгородчины. В работе впервые публикуются и анализируются результаты переписей населения 1926 и 1939 гг. по малым административно-территориальным единицам того времени (волостям и районам), свидетельствующие о разном уровне этно-демографических потерь районов Белгородчины, вследствие голода 1932-34 гг. Проанализированные автором статистические данные и архивные свидетельства показывают вынужденный, «политический» характер «перехода» примерно 400 тыс. украинцев Белгородского региона в состав «русских» (в официальных документах и при переписях), в результате как общественно-политических последствий голода 1932-34 гг., так и коренного изменения национальной политики в СССР в первой половине 1930-х гг.

Resume. The article raises the problem investigated the causes and consequences of the radical changes in the number and ratio of Russian and Ukrainian population in the Belgorod region in the 1930s. The author shows that the three-century period of joint development and living Russians and Ukrainians, persists despite the close economic cooperation the main features of the individual ethnic groups, was interrupted by famine 1932-34 yy., which has become a major cause for multiple reduce numbers of Ukrainians in Belgorod region. In the article for the first time published and analyzed the results of census 1926 and 1939 on small administrative-territorial units of that time (counties and districts), showing different levels of ethno-demographic losses Belgorod regions, as a result of the famine 1932-34 yy. The author analyzed the statistics and archival evidence shows forced the "political" nature of the "transition" of about 400 thousand Ukrainians of Belgorod region in the "Russians" (in official documents and census), as a result of a social and political consequences of the famine years 1932-34, and a radical change in the national policy of the Soviet Union in the first half of the 1930s.

Ключевые слова: этнический состав, русские, украинцы, Слобожанщина, Белгородская область, Центральное Черноземье, Голодомор, голод 1932-34 гг.

Key words: ethnic composition, Russians, Ukrainians, Sloboda region, Belgorod region, Central Black Earth region, Holodomor, famine of 1932-34 yy.

Трансформация этнического состава населения территории современной Белгородской области в первой половине XX века в научной литературе практически не исследована, что обусловлено рядом как объективных, так и субъективных причин. Объективные трудности в исследовании этно-демографических процессов на территории Белгородчины (равно как и страны в целом), заключаются прежде всего в том, что результаты переписей населения в СССР первой половины XX столетия, были опубликованы лишь по крупным административно-территориальным образованиям (губерниям и уездам, позднее – областям); а во-вторых – практически полной несопоставимостью современного административно-территориального деления и территориального устройства того периода времени.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Белгородской области научного проекта № 16-13-31602.

К субъективным причинам слабого интереса к тематике этно-национальных трансформаций в первой половине XX столетия, по всей видимости, следует отнести табуированность в советское время темы голода и политических репрессий 1930-х гг. Поскольку ключевыми факторами трансформации этнического состава населения Центрального Черноземья в 1930-е гг. стали национальная политика советского государства и последствия жесточайшего голода 1932-34 гг., то становится понятным, что объективное исследование причин этно-демографических изменений 1930-х гг. в советский период было практически невозможным.

К настоящему времени этно-национальные процессы межвоенного периода 1920-30-х гг. на территории Черноземья наиболее полно исследованы в работах двух московских этнографов и историков: Л.Н. Чижиковой [Чижикова, 1988] и К.С. Дроздова [Дроздов, 2010]. Вместе с этим, несмотря на фундаментальность указанных работ, в контексте исследуемой темы, труды этих авторов не позволяют, во-первых, количественно рассмотреть динамику численности основных народов на территории Белгородчины и в отдельных её частях (поскольку в них не анализируются сведения переписей населения). Во-вторых, табуированность темы голода и политических репрессий 1930-х гг., их влияния на национальный состав, не могла позволить советским этнографам собрать и тем более опубликовать свидетельства влияния этих катастроф на численность народов и этническую самоидентификацию коренного населения Белгородчины и соседних регионов.

Однако, собранные в российских архивах сведения о национальном составе территорий ныне составляющих Белгородскую область, позволили впервые сопоставить данные об этническом составе населения региона до и после голода 1932-34 гг., и констатировать революционное изменение численности основных народов Белгородчины – русских и украинцев – в 1930-е гг., ставшее следствием как прямых демографических потерь от голода, так и его социально-политическими последствиями. По данным переписи населения 1926 г. на территории современной Белгородской области проживало 932 тыс. русских (57,5%) и 683 тыс. украинцев (42,1%). Всего через 13 лет перепись 1939 г. фиксирует – 1270 тыс. русских (87,8%) и 170 тыс. украинцев (11,7%). Таким образом, за незначительный по историческим меркам промежуток времени – 13 лет – численность украинского населения на Белгородчине сократилась в 4 раза, при росте числа русских в 1,4 раза (таблица 1).

Революционность произошедших в национальном составе населения региона изменений, можно в полной мере оценить лишь, рассматривая период 1920-30-х гг. в более широком контексте этнической истории севера Слобожанского края. Российские исторические источники свидетельствуют, что со времени ордынского ига и до строительства Белгородской черты в XVII в. постоянного населения на территории современной Белгородской области практически не было. Впрочем, археологические исследования последних лет ставят под сомнение более ранние представления о почти полной безлюдности этой части Дикого поля. В частности, в западной части современных Белгородской и Курской областей, входивших с 1360-х гг. по 1500-е гг. в состав Велико-го княжества Литовского, находилось несколько крупных городов-крепостей с постоянным и относительно многочисленным славянским населением [Стародубцев, 2012]. Восточную же часть современной Белгородчины занимала вассальная Великому княжеству Литовскому «Еголдаева тьма», по всей видимости, с славянским и татарским населением [Зорин и др., 2014]. Так или иначе, но в целом плотность населения на указанной территории к XVI-XVII вв., вследствие частых войн, была небольшой.

Таблица 1
Table 1

Численность основных этнических групп на территории Белгородской области по данным Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г. [рассчитано по: Всесоюзная перепись, 1928; РГАЭ РФ]

The number of major ethnic groups in Belgorod region according to the census of 1926 and 1939 уу.

Этническая группа	Перепись 1926 г.	Перепись 1939 г. ²	Изменение численности, раз
Русские	932 374	1 270 339	+1,4
Украинцы	683 245	169 695	-4,0
Прочие	5 665	7 113	+1,3
Всего	1 621 284	1 447 147	-1,1

² Необходимо также учитывать, что к реальным результатам переписи 1939 г. в масштабах всего СССР было «приписано» 3,2 млн. человек. По подсчётам В.Б. Жиромской, в Воронежской и Курской областях приписки составила 2,2%, т.е. реальная численность всего населения на территории Белгородской области была примерно на 31 тыс. человек меньше официальных результатов переписи [Жиромская, 2001].

После присоединения территории современной Белгородчины к Московскому государству, на протяжении XVII-XVIII вв. происходит интенсивное заселение региона двумя примерно равными по величине колонизационными потоками: русским – пришедшим с севера (с территорий нынешних областей Центральной России), и украинским – прибывавшим с запада (прежде всего, из правобережных регионов Украины). Как указывают А.И. Дудка и И.Г. Оноприенко – «в процессе вторичного освоения Днепро-Донского междуречья, ..., важную роль играли массовые миграции русского и украинского населения, которые протекали в рамках процессов этнического разделения» [Дудка, Оноприенко, 2011, С. 138]. Причём прибывая на территорию региона, русские и украинцы осваивали и заселяли новые земли, практически не образуя общих поселений, за исключением некоторых крупных городов-крепостей. Как отмечал Д.И. Багалий, «взаимодействие и модификация великорусов и малорусов были крайне незначительны в пределах Слободской Украины ... в силу того, что жили они в разных селениях и редко смешивались друг с другом путём браков» [Багалий, 1887, С. 238].

В XIX в. интенсивность внешних для региона миграционных процессов резко снижается, территории Воронежской и Курской губерний к этому времени уже представляют собой одни из наиболее плотно населённых губерний. «Стремясь сохранить свои традиции и передать культурный опыт следующим поколениям соотечественников они [русские и украинцы – прим. авт.] стремились заключать браки внутри своих этнических групп» [Дудка, Оноприенко, 2011, С. 141-142]. Именно поэтому межнациональные браки (являющиеся основным механизмом этнической ассимиляции) были редким явлением вплоть до индустриализации и урбанизации советского времени (в Белгородском регионе 1960-70-е гг.). Этнографические материалы, собранные Л.Н. Чижиковой, свидетельствуют, что даже в случае заключения межнационального брака, новый член семьи перенимал язык и традиции того села (русского или украинского) куда он (чаще – она) попадал: «если наша [русская – прим. авт.] женщина выходит замуж в украинское село, она перенимает их разговор и обычаи» (житель Грайворонского района) [Чижикова, 1988, С. 51]. Иначе говоря, смешение двух этнических групп происходило очень медленно и не означало утрату национальной идентичности одной из этнических групп.

Более того, многие современники того периода указывают на большее влияние украинской (в тогдашней терминологии – малороссийской) духовной и материальной культуры на русскую (великорусскую), нежели наоборот. Так, например, в описании этнического состава Курской губернии, изданном в 1868 г., отмечается: «великороссияне во многом различаются от жителей других губерний и в некоторых отношениях представляют собою как-бы переход к южноруссам. В особенности это заметно в языке Курян, отличающемся каким-то смягчением в произношении многих букв, что наиболее свойственно малорусскому наречию; кроме того употребляется очень много слов чисто малорусских; но в быте и обычаях великороссияне значительно разнятся от малороссиян: они, хотя и зовут свою «избу» по малороссийски «хатою», однако содержат её не в малороссийской чистоте и опрятности» [Списки населённых мест... Курская губерния, 1868, С. 50]. В это же время авторы подчёркивали – «Малороссияне [Курской губернии – прим. авт.] в образе жизни, домоводстве, костюме сохраняют гораздо больше единства с поднепровскими своими братьями» [Там же, С. 51].

Этнокультурные особенности русского и украинского населения проявлялись практически во всём комплексе хозяйственной и культурной жизни. Вот, например, какие сведения содержатся в «Военно-статистическом обозрении Российской империи. Курская губерния», 1850 г. издания: «Относительно расположения ... селений Курской губернии их можно разделить на два разряда: на великороссийские и на малороссийские. У великороссиян селения разбросаны отдельными группами по холмам и оврагам..., избы строятся сплошь и редко отделяются двором» [Военно-статистическое... Курская губерния, 1850, С. 64]. «У малороссиян селения почти всегда по близости рек или речек правильно расположены, с улицами, обсаженными деревьями, с огородами, отделяющими белые их хаты одну от другой» [Там же, С. 65]. Значительно различалось и внутреннее устройство, убранство русских изб и украинских хат – «в избах ... печи не имеют труб, а притом избы освещаются ночью, большей частью лучиной, то в избах бывает вверху большая копоть от дыма, а внизу сырость и нечистота, от находящихся под полом молодых животных и птиц заводится много насекомых. Изба никогда не белится; печные принадлежности и поварные орудия не моются, и потому всегда грязны» [Там же, С. 50-51]. «Малороссияне располагают внутренность избы наоборот ... Чистота и опрятность главные принадлежности малороссийской избы; поварная посуда моется и высушивается каждый день; поварские орудия и прочие вещи: столы, лавки, моются в субботу или под каждый праздник, печь выбеливают мелом» [Там же, С. 51].

Составители «Обозрения» также фиксировали: «Покрой платья и шапок отличен [у украинцев] от употребляемых русскими так что, по одному верхнему одеянию и шапке, можно узнать русский ли идет или малороссиянин» [Там же, С. 55]. Интересны их наблюдения и в об-

щих чертах «характера жителей Курской губернии ... у великороссиян: способность к учению и к искусствам, терпение, неутомимая деятельность в трудах, предприимчивость в делах, ... при строгости, покорность к властителям, сметливость относительно своих выгод, переимчивость к подражанию, но без точности, способность переносить всякого рода лишения и довольствоваться малым; здравый рассудок природный, неограниченное упование на авось; безотчетное бесстрашие, удалство..., почтительность к старости, ненависть к нововведениям, готовность быть руководимым» [Там же, С. 42]. «У малороссиян: мягкость, чувствительность, непостоянство в достижении цели, ... робость, вспыльчивость, хитрая откровенность, большая склонность к учению и искусствам, лень, любовь к праздности, к весельям, упрямство в высокой степени, привязанность к родине, ... неспособность переносить ни больших трудов, ни лишений, чувство самосохранения в высшей степени; ... беспечность в домашней жизни, вообще недоверчивость к русским и не любовь к ним» [Там же, С. 42-43].

Даже в религиозной сфере, несмотря на общую принадлежность к православию, наблюдались определённые различия в традиционно-обрядовой части и в отношении к старообрядчеству: «русские, малороссияне и цыгане исповедуют одну православную веру; но русские разделятся на православных и раскольников ..., а православные [русские] отличаются в некоторых обрядах от малороссиян ... между малороссиянами и цыганами никогда не было и теперь нет ни одного раскольника. Кажется причиной этого всегдешнее недоверие их к русским» [Там же, С. 169-170].

Аналогичные тенденции прослеживались и в Воронежской губернии, на территории которой располагались нынешние восточные районы Белгородской области: «Малороссияне почти во всем отличаются от русских: наречие их совершенно особое, платье также отличается покроем» [Военно-статистическое... Воронежская губерния, 1850, С. 33].

Во второй половине XIX в. одним из характерных признаков межнациональных взаимоотношений «становится синтез русских и украинских элементов: традиции, обычаи, одежда, языки и диалекты, песни, сказки и предания смешивались, но каждый из народов сохранял свои историко-культурные достижения и осознание национальной идентичности» [Иванов и др., С. 12].

Проведённая в 1897 г. перепись населения зафиксировала значительные внутрирегиональные различия в соотношении двух крупнейших народов. Так, доля русских была максимальной в Старооскольском (91,4%), Белгородском (78,0%) и Корочанском (65,3%) уездах [рассчитано по: Демоскоп Weekly]. Украинцы (малороссы) составляли большинство в четырех из семи уездов Курской и Воронежской губерний (территории которых теперь входят в состав Белгородской области) – Бирючинском (70,2%), Грайворонском (58,9%), Валуйском (51,1%) и Новооскольском (51,0%) [Там же].

Таким образом, если суммировать численность двух этнических групп по уездам, территории которых в настоящее время полностью или большей частью находятся в составе Белгородской области, то в 1897 г. соотношение составляло: 55,9% – русские, 43,7% – украинцы³. Однако здесь необходимо отметить, что уезды являлись очень крупными административно-территориальными единицами (например, на территории Грайворонского уезда ныне располагаются 5 районов), и при их выделении этнические особенности населения никак не учитывались. Поэтому указанное соотношение отнюдь не обозначает, что русские и украинцы жили совместно в одних поселениях, в указанных выше соотношениях. Большинство населённых пунктов (особенно сельских) сохраняли чёткий этнический характер: русский или украинский. Даже города, традиционно являющиеся более полиэтничными, нежели сельская местность, были на рубеже XIX-XX вв. как правило мононациональными. Так, например, в Старом Осколе относительное число русских по переписи 1897 г. составило 98,2%, а в Бирюче, напротив, преобладало украинское население – 82,3% [Там же].

Иначе говоря, приведённое выше соотношение русских и украинцев в населении Белгородчины по переписи 1897 г. (56% и 44% соответственно), скорее указывает на долю числа населённых пунктов, заселённых русскими и украинцами. То есть, например, если в Грайворонском уезде соотношение русского и украинского населения составляло 41% и 59% соответственно, то это обозначает, что на территории уезда около 60% сёл были украинскими, а около 40% – русскими.

³ Указанное соотношение является приблизительным, т.к. данные цифры отражают соотношение только по тем уездам, территории которых полностью или большей частью находились на территории современной Белгородской области. Однако значительные части современной Белгородчины в 1897 г. входили в состав иных уездов: Обоянского (более 1/3 территории которого ныне входит в состав Белгородской области), Нижнедевицкого (около 1/5), Коротоякского (около 1/3), Острогожского (около 1/10). Кроме того, примерно 1/5 часть территории Старооскольского уезда, ныне находится в составе Курской области; около 1/10 части Валуйского уезда – находится на территории Украины (в 1920-е гг. в состав Украины были также переданы небольшие части Белгородского и Грайворонского уездов). Учитывая все вышеуказанные административно-территориальные особенности можно предположить, что число русскоязычного населения для всей территории современной Белгородской области в 1897 г., было на 2-3 процентных пункта выше, а для украиноязычного – соответственно ниже указанных.

Свидетельством справедливости этого утверждения (помимо многочисленных этнографических материалов, собранных Л.Н. Чижиковой и иными учёными), являются статистические сборники серии «Списки населённых мест Российской империи». Так, например, в сборнике по Воронежской губернии (по сведениям 1859 г.) по каждому поселению губернии указана этническая группа его «занимавшая» [Списки населённых мест... Воронежская губерния, 1865, С. 32-34].

Следующая после переписи населения 1897 г. полноценная перепись была проведена почти через три десятилетия – в 1926 г.⁴ Несмотря на выпавшие на межпереписной период грандиозные потрясения – Русско-японскую войну, переросшую в революцию 1905-1907 гг., Первую мировую и Гражданскую войны – перепись 1926 г. показала, что на этническом составе населения исследуемого региона эти события практически никак не сказались. Поскольку результаты переписи 1926 г. были опубликованы в разрезе не только уездов, но и малых административно-территориальных единиц того времени – волостей, то в настоящее время существует возможность более точного сопоставления (нежели по результатам переписи 1897 г.) данных по национальному составу территории в современных административно-территориальных границах Белгородской области. В таблице 2 представлены данные об абсолютной и относительной численности основных этнических групп региона волостей и городских поселений, находящихся в настоящее время на территории Белгородской области⁵.

Таблица 2
Table 2

Национальный состав административно-территориальных единиц (волостей и городских поселений) Воронежской и Курской губерний по данным переписи населения 1926 г., территории которых в настоящее время находятся в составе Белгородской области
[Всесоюзная перепись, 1928]

Ethnic composition the administrative-territorial units (counties and towns), Voronezh and Kursk provinces according to the population census of 1926 y., the territory of which are now a part of the Belgorod region

Административно-территориальная единица	РУССКИЕ		УКРАИНЦЫ		ПРОЧИЕ		ВСЕГО чел.
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	
Всего на территории современной Белгородской области	932 374	57,51	683 245	42,14	5 665	0,35	1 621 284
<i>Волости и города, входившие в Воронежскую губернию</i>							
Валуйский уезд							
г. Валуйки	9 045	88,30	951	9,28	247	2,41	10 243
Валуйская вол.	40 492	89,34	4 692	10,35	137	0,31	45 321
Вейделевская вол.	13 312	42,38	17 944	57,13	155	0,50	31 411
Волоконовская вол.	7 494	23,40	24 428	76,29	98	0,31	32 020
Ливенская вол.	16 354	46,64	18 687	53,29	26	0,08	35 067
Никитовская вол.	11 109	32,61	22 936	67,32	25	0,07	34 070
Николаевская вол.	2 198	8,39	23 983	91,54	18	0,07	26 199
Погромская вол.	21 063	52,29	19 145	47,53	74	0,18	40 282
Уразовская вол.	14 401	39,04	22 407	60,74	82	0,23	36 890
Россошанский уезд							
Ровеньская вол.	1 722	4,01	40 652	94,74	535	1,24	42 909
Острогожский уезд							
Алексеевская вол.	21 340	35,29	39 001	64,50	125	0,21	60 466
Буденовская вол.	24 240	47,78	26 337	51,92	153	0,31	50 730
Луценковская вол.	4 510	11,87	33 321	87,71	161	0,42	37 992
Нижнедевицкий уезд							
Шаталовская вол.	44 975	95,22	2 254	4,77	6	0,01	47 235

⁴ В 1920 г. также была проведена перепись населения, которая охватила в том числе и территорию современной Белгородской области, однако в нашем распоряжении имеются данные об этническом составе только по Курской губернии. Кроме того, учитывая, что Гражданская война в этот период ещё продолжалась (а значит, значительные массы населения были мобилизованы), то считается, что достоверность этих сведений существенно ниже переписи 1926 г.

⁵ Указаны волости, территории которых полностью или большей частью находились на территории современной Белгородской области. Учитывая, что границы волостей и современных районов в большинстве случаев не совпадают, то результаты в расчете для региона в целом могут иметь небольшую погрешность, которая, впрочем, не может превышать 0,5% численности народов.

<i>Волости и города, входившие в Курскую губернию</i>							
Белгородский уезд							
г. Белгород	27 345	88,11	2 243	7,23	1 448	4,67	31 036
шт. ст. Александровский	1 333	84,37	222	14,05	25	1,58	1 580
г. Короча	5 727	40,50	8 347	59,04	65	0,46	14 139
шт. Новотаволжанский сах. зав.	612	65,52	280	29,98	42	4,49	934
шт. Шебекинский сах. зав.	1 027	74,31	297	21,49	58	4,20	1 382
Алексеевская вол.	17 341	60,64	11 234	39,28	23	0,08	28 598
Большетроицкая вол.	15 764	49,24	16 231	50,70	19	0,06	32 014
Верхопенская вол.	41 668	99,13	301	0,72	66	0,16	42 035
Веселолопанская вол.	17 371	53,22	15 140	46,39	128	0,39	32 639
Висловская вол.	16 390	70,15	6 937	29,69	37	0,16	23 364
Зимовенская вол.	11 906	47,38	13 184	52,46	41	0,17	25 131
Корочанская вол.	17 724	60,27	11 675	39,70	10	0,04	29 409
Муромская вол.	19 754	80,23	4 822	19,58	45	0,18	24 621
Прохоровская вол.	21 349	52,17	19 549	47,77	26	0,06	40 924
Пупкарская вол.	21 093	81,83	4 651	18,04	33	0,12	25 777
Старогородская вол.	34 260	84,84	6 065	15,02	59	0,14	40 384
Стрелицкая вол.	18 810	74,05	6 575	25,88	17	0,06	25 402
Томаровская вол.	40 158	73,81	14 221	26,14	30	0,06	54 409
Шаховская вол.	30 917	99,66	81	0,26	26	0,08	31 024
Шебекинская вол.	26 145	82,97	5 247	16,65	118	0,38	31 510
Грайворонский уезд							
г. Грайворон	4 801	53,91	3 923	44,05	181	2,03	8 905
шт. Борисовка	1 370	6,63	19 217	93,04	68	0,33	20 655
шт. Готня	394	67,93	162	27,93	24	4,13	580
Борисовская вол.	17 464	38,15	28 284	61,78	34	0,07	45 782
Грайворонская вол.	3 649	13,56	23 199	86,21	63	0,23	26 911
Дорогощанская вол.	26 556	70,97	10 826	28,93	34	0,09	37 416
Краснояржская вол.	3 929	11,51	30 123	88,23	91	0,27	34 143
Ракитянская вол.	22 575	50,77	21 827	49,08	66	0,15	44 468
Старооскольский уезд							
г. Старый Оскол	19 495	96,55	273	1,35	424	2,09	20 192
г. Новый Оскол	8 050	90,91	647	7,31	158	1,78	8 855
Бобровская вол.	36 220	90,66	3 697	9,25	36	0,10	39 953
Большехалонская вол.	21 595	74,60	7 303	25,23	48	0,16	28 946
Великомихайловская вол.	21 741	46,22	25 284	53,75	13	0,03	47 038
Волотовская вол.	12 605	50,82	12 132	48,91	67	0,27	24 804
Казачанская вол.	16 940	60,30	11 089	39,48	62	0,22	28 091
Новооскольская вол.	17 426	48,88	18 206	51,07	18	0,05	35 650
Скороднянская вол.	30 914	99,08	265	0,85	22	0,07	31 201
Старооскольская вол.	37 424	97,05	1 080	2,80	58	0,15	38 562
Чернянская вол.	10 277	32,13	21 668	67,74	40	0,13	31 985

Перепись 1926 г. констатировала, что сложившийся на протяжении XVI-XIX вв. этнонациональный состав региона остался, несмотря на все потрясения первой четверти XX в., практически неизменным. Соотношение русского и украинского населения в регионе осталось примерно на том же уровне, что и в конце XIX в.: русские – 57,5%, украинцы – 42,1%, общая численность всех остальных народов составила менее 0,4%.

Кроме того, практически неизменными остались и территориальные особенности расселения русского и украинского населения по территории северной Слобожанщины. Из числа 42 волостей, территории которых ныне находятся в Белгородской области, русские составляли большинство в 24, украинцы – в 18. Русские преобладали в северной части современной Белгородчины, в основных городах и в районах, окружавших Белгород и Валуйки. Наиболее «русскими» волостями были: Шаховская (ныне часть Прохоровского района) – 99,7%, Верхопенская (Ивнянский р-н) – 99,1%, Скороднянская (Губкинский и Прохоровский р-ны) – 99,1%, Старооскольская (Старооскольский р-н) – 97,1%, Шаталовская (Старооскольский р-н) – 95,2%. Кроме того, русские составляли большинство в 9 из 11 городских поселений региона. Максимальную долю русское население составляло в городах: Старом Осколе (96,6%), Новом Осколе (90,9%), Валуйках (88,3%) и Белгороде (88,1%) – таблица 2.

Украинцы составляли абсолютное большинство в приграничных с УССР районах – на западе, юге и востоке современной Белгородской области. Самыми «украинскими» волостями были:

Ровенская (сейчас Ровенский р-н) – 94,7%, Николаевская (Алексеевский, Вейделевский и Ровенской р-ны) – 91,5%, Краснояружская (Краснояружский р-н) – 88,2%, Луценковская (Алексеевский р-н) – 87,7%, Грайворонская (Грайворонский р-н) – 86,2%. Также украинцы составляли большинство во втором по величине населённом пункте региона – пгт. Борисовка (93,0%) и в г. Короча (59,0%) – таблица 2.

Непосредственное примыкание украинских по этническому составу волостей Воронежской и Курской губерний к УССР позволяло руководству Украины в 1920-е гг. неоднократно поднимать перед союзными властями вопрос о справедливом территориальном размежевании с РСФСР. Как отмечал выдающийся историк Слобожанщины, академик Д.И. Багалий, участвовавший в дискуссиях о территориальном размежевании, «часть... уездов Курской и Воронежской губернии являлись в отношении колонизации продуктом смешанной великорусско-украинской колонизации с очевидно преобладающим количественно украинским этнографическим элементом», а потому должны быть переданы в состав УССР [Борисёнок, 2006, С. 102]. Впрочем, российские губернские власти были настроены резко против пересмотра границ по этническому принципу, а союзные власти, начавшие в этот период осуществление практики «коренизации»⁶, не поддержали этих предложений официального Харькова, сославшись на «частую смену границ» [Там же, С. 101-105].

Указанные выше особенности распределения русского и украинского населения по территории Белгородчины нашли и своё картографическое отображение на множестве этнографических и лингвистических карт того периода времени. В данной работе мы приведём фрагмент немецкой этнографической карты 1941 г. издания, эмпирическим материалом для которой стали как раз сведения, полученные по результатам переписи населения 1926 г. (рис. 1).

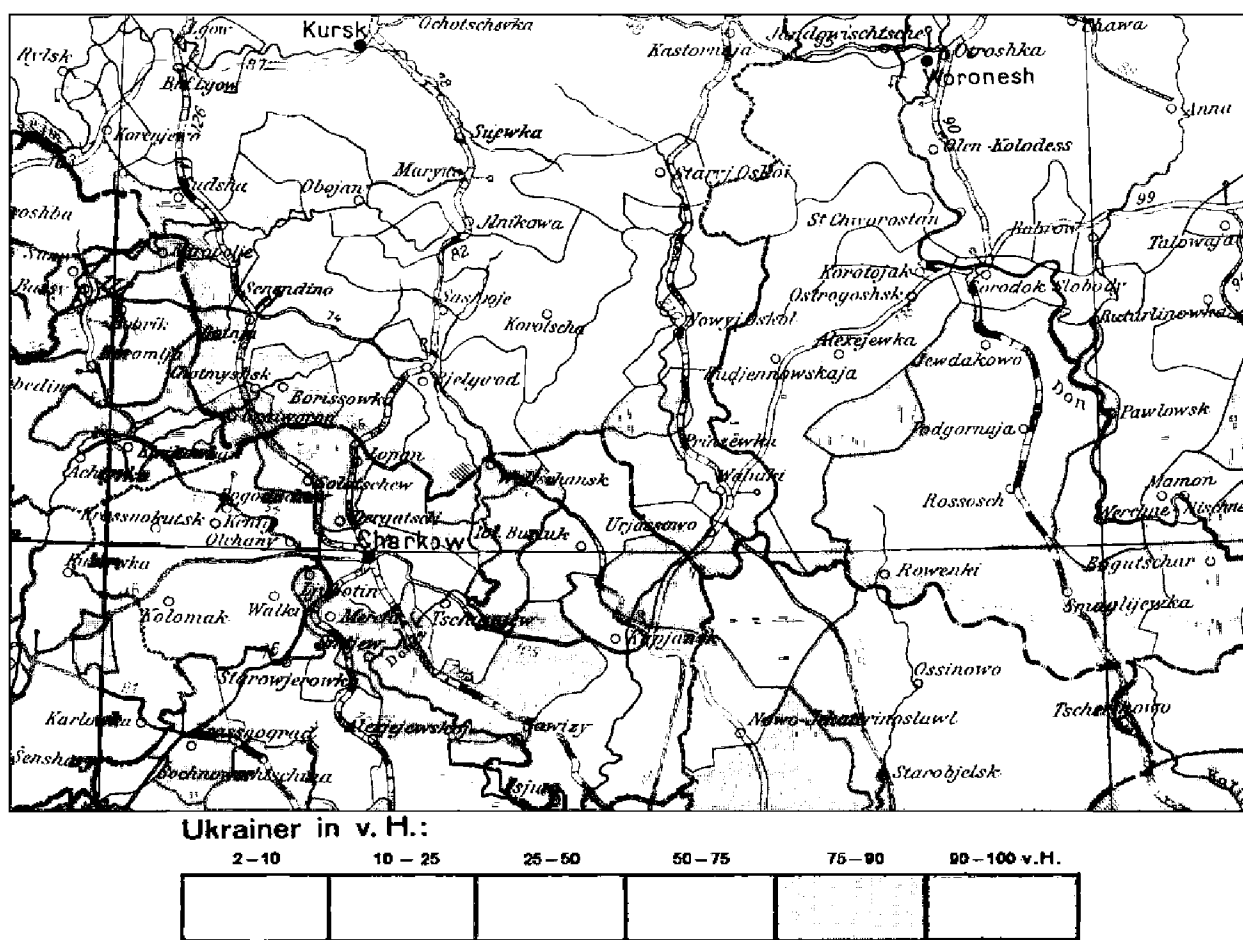

Рис. 1. Фрагмент карты «Ethnographische karte der Ukraine, entworfen von W. Kubijowjtsch – N. Kulitzky», Берлин, 1941 г., масштаб 1:2 500 000 (легенда представлена ниже карты)

Fig. 1. The fragment of map «Ethnographische karte der Ukraine, entworfen von W. Kubijowjtsch – N. Kulitzky», Berlin, 1941, scale 1: 2 500 000 (legend is provided below the map)

Как хорошо показано на фрагменте карты, самым большим украинским этническим массивом в российских губерниях северной Слобожанщины в 1926 г. был юг Воронежской губернии,

⁶ Коренизация – перевод официального управления, делопроизводства и системы образования на языки тех народов, которые в той или ином районе составляют большинство.

где на пространстве от Волоконовки (на западе) до Новохопёрска (на востоке) и от Острогжска (на севере) до Ровеньков и Кантемировка (на юге) в 38 волостях (разных уездов) проживало 1,4 млн. человек, из которых 1,0 млн. составляли украинцы (70%) и 0,4 млн. – русские (29%) [рассчитано по: Всесоюзная перепись, 1928]. В этом регионе русские составляли большинство лишь в 4 волостях, а украинцы в 34, причём в 12 из них доля украинцев превышала 90%. Недаром побывавший в этих местах в 1942 г. известный кинорежиссёр и писатель А.П. Довженко, зафиксировал: «в *Rossohi* [центральном городе этого региона, ныне Воронежская обл.] украинскую речь слышишь куда чаще, чем в *Kieve*» [Довженко, 2013, С. 208].

1920-е гг. были эпохой реализации относительно либерального подхода в национальной политике советского государства – «коренизации» общественной и государственной сферы. В Центральном Черноземье, учитывая, что основным этническим меньшинством (а в южных районах – большинством) являлись украинцы, то и к практике коренизации в этом регионе чаще всего применяли термин «украинизация». Вместе с этим, сам термин «украинизация» не совсем удачен, т.к. «обращение народа к своей государственности, своим корням, своей культуре и историческим традициям не может быть украинизацией» [Борисёнок, 2006, С. 8], это скорее восстановление культурного равноправия народов в одинаковой степени участвовавших в заселении и освоении севера Слобожанского края.

Так или иначе, суть «украинизации» заключалась в широком комплексе действий по организации государственных и общественных институтов на родном для местного населения языке: «от школьного образования и перевода обучения на украинский язык до выделения национальных районов и сельсоветов» [Дроздов, 2010, С. 17]. К.С. Дроздов в качестве основной цели политики «украинизации» на территории РСФСР называет «желание поставить под жесткий партийно-идеологический контроль стихийную («самостийную») культурно-просветительскую работу беспартийного учительства и интеллигенции» [Там же, С. 18-19]. «В ходе советской украинизации к началу 1930-х гг. в Центральном Черноземье была впервые создана государственная украинская школа, украинская печать, формировалась, хотя и с трудом, новая советская интеллигенция из украинцев-селян» [Там же, С. 23].

Важно также отметить, что к началу реализации практики «коренизации» в 1923 г., огромные крестьянские массы (равно русские и украинские) были, как правило, безграмотны (по данным переписи 1926 г. в Воронежской и Курской губерниях неграмотными были 64% русских и 58% украинцев [рассчитано по: Всесоюзная перепись, 1928]), а потому процесс внедрения украинского языка в образовательной сфере чаще имел характер не перевода языка обучения в школах с русского на украинский, а создания абсолютно новых школ, курсов ликбеза и т.п., с украинским языком обучения. В этом смысле, русское и украинское крестьянство к 1930-м гг. находилось в примерно равных культурных условиях, что являлось одним из факторов, препятствующих ассимиляционным процессам. Иначе говоря, массовая малограмотность сельского населения – консервировала этнокультурные особенности русских и украинцев в Центральном Черноземье, а украинская культура (в частности язык) не воспринималась как нечто «отсталое». После же перевода в 1933 г. всего образования, прессы и делопроизводства в этнически украинских районах на русский язык, отсутствие возможности получить образование на родном языке и, как следствие, возможности сделать карьеру, продвигаться по социальной лестнице используя украинский язык – все это привело к тому, что в массовом сознании всё украинское стало восприниматься как «отсталое», «сельское», позже – «колхозное».

Таким образом, к 1930-м гг. на территории северной Слобожанщины русское и украинское население проживало, сохраняя этнокультурные особенности и идентичность, на протяжении десяти-пятнадцати поколений (с XVI-XVIII вв.). Однако, в 1930-е гг. происходит слом сложившегося в течение нескольких веков этнического баланса, когда по выражению В.М. Кабузана, происходит «катастрофическое снижение абсолютной и относительной численности украинцев» [Кабузан, 2006, С. 333].

Список литературы References

1. Багалий Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1887. 614 с.
Bagalij D.I. Oчерki iz istorii kolonizacii stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva. Moscow: Imp. o-vo istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te, 1887. 614 p. (in Russian).
2. Борисёнок Е. Феномен советской украинизации. 1920 – 1930-е годы. / Институт славяноведения РАН. М.: Европа, 2006. 256 с.
Borisjonok E. Fenomen sovetskoj ukrainizacii. 1920 – 1930-e gody. / Institut slavjanovedenija RAN. Moscow: Evropa, 2006. 256 p. (in Russian).
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XIII. Часть 2. Воронежская губерния. СПб: Департамент генерального штаба, 1850. 264 с.
Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii. Tom XIII. Chast' 2. Voronezhskaja gubernija. Saint Petersburg: Departament general'nogo shtaba, 1850. 264 p. (in Russian).

4. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XIII. Часть 3. Курская губерния. СПб: Департамент генерального штаба, 1850. 331 с.
Voенno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii. Tom XIII. Chast' 3. Kurskaja gubernija. Saint Petersburg: Departament general'nogo shtaba, 1850. 331 p. (in Russian).
5. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том III. Центрально-черноземный район. Средне-волжский район. Нижне-волжский район. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928.
Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 goda. Tom III. Central'no-chernozemnyj rajon. Sredne-volzhszkij rajon. Nizhne-volzhszkij rajon. Moscow: Izdanie CSU Sojuza SSR, 1928. (in Russian).
6. Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php.
Demoskop Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php. (in Russian).
7. Довженко А.П. Дневниковые записи, 1939-1956. Харьков: Фолио, 2013. 879 с.
Dovzhenko A.P. Dnevnikovyje zapisi, 1939-1956. Harkiv: Folio, 2013. 879 p. (in Russian).
8. Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923-1933 гг.): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2010. 30 с.
Drozdov K.S. Gosudarstvennoe regulirovanie russko-ukrainskih nacional'nyh otnoshenij v Central'nom Chernozem'e (1923-1933 gg.): avtoref. diss. ... kand. istor. nauk. Moscow, 2010. 30 p. (in Russian).
9. Дудка А.И., Оноприенко И.Г. Этнокультурный синтез в великорусских губерниях юга России в пореформенный период (на примере Курской и Воронежской губерний) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Выпуск 20. С. 138-144.
Dudka A.I., Onoprienko I.G. Jetnokul'turnyj sintez v velikoruszkij gubernijah juga Rossii v poreformennyj period (na primere Kurskoj i Voronezhskoj gubernij) // Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika. 2011. № 19 (114). Vypusk 20. P. 138-144. (in Russian).
10. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
Zhiromskaja V.B. Demograficheskaja istorija Rossii v 1930-e gody. Vzglyad v neizvestnoe. Moscow: ROSSPJeN, 2001. 280 p. (in Russian).
11. Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М.: Наука, 2006. 658 с.
Kabuzan V.M. Ukraincy v mire: dinamika chislennosti i rasselenija. 20-e gody XVIII veka – 1989 god. Moscow: Nauka, 2006. 658 p. (in Russian).
12. Культурно-национальные особенности населения Воронежской области / сост. В.А. Иванов, В.В. Макаров, Л.Ф. Попова. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2013. 212 с.
Kul'turno-nacional'nye osobennosti naselenija Voronezhskoj oblasti / sost. V.A. Ivanov, V.V. Makarov, L.F. Popova. Voronezh: Centr duhovnogo vozrozhdenija Chernozemnogo kraja, 2013. 212 p. (in Russian).
13. Курский край сквозь века. / А.В. Зорин, Г.Ю. Стародубцев, А.А. Чубур, А.Г. Шпилев. Курск: Полстар, 2014. 256 с.
Kurskij kraj skvoz' veka. / A.V. Zorin, G.Ju. Starodubcev, A.A. Chubur, A.G. Shpilev. Kursk: Polstar, 2014. 256 p. (in Russian).
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ РФ), фонд 1562, опись 336, Д.Д. 966-1001 («Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам»), Д.Д. 256-427 (табл. 26 «Национальный состав населения районов, районных центров, городов и крупных сельских населенных пунктов»)
Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki (RGAJe RF), fond 1562, opis' 336, D.D. 966-1001 («Nacional'nyj sostav naselenija po SSSR, respublikam, oblastjam, rajonom»), D.D. 256-427 (tabl. 26 «Nacional'nyj sostav naselenija rajonov, rajonnyh centrov, gorodov i krupnyh sel'skih naselennyh punktov») (in Russian).
15. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Том IX: Воронежская губерния: по сведениям 1859 года / Обработ. Н. Штиглицом. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1865. 157 с.
Spiski naselennyh mest Rossijskoj imperii, sostavlennye i izdavaemye Central'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennih del. Tom IX: Voronezhskaja gubernija: po svedenijam 1859 goda / Obrab. N. Shtiglicom. Saint Petersburg: Izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del, 1865. 157 p. (in Russian).
16. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Том XX: Курская губерния: по сведениям 1862 года / Обработ. ст. ред. А. Артемьевым. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1868. 205 с.
Spiski naselennyh mest Rossijskoj imperii, sostavlennye i izdavaemye Central'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennih del. Tom XX: Kurskaja gubernija: po svedenijam 1862 goda / Obrab. st. red. A. Artem'evym. Saint Petersburg: Izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del, 1868. 205 p. (in Russian).
17. Стародубцев Г.Ю. Городище Царский Дворец – замок Великого княжества Литовского на границе с Золотой Ордой (находки в ходе исследований 1997–2010-х гг.) // Золотоордынская цивилизация. 2012. Вып. 5. С. 317-325.
Starodubcev G.Ju. Gorodishhe Carskij Dvorec – zamok Velikogo knjazhestva Litovskogo na granice s Zolotoj Ordoj (nahodki v hode issledovanij 1997-2010-h gg.) // Zolotoordynskaja civilizacija. 2012. Vyp. 5. P. 317-325. (in Russian).
18. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. М.: Наука, 1988. 256 с.
Chizhikova L.N. Russko-ukrainskoe pogranich'e. Moscow: Nauka, 1988. 256 p. (in Russian).